

ДАР ПОЗНАНИЯ

Е ДВА ли не самое сложное в поэзии — это превращение быта в бытие, реальности в образы-символы, которые выражают земную и «космическую» сущность поэта. Ибо конечное и бесконечное, реальное и воображаемое, простое и великое образуют особый художественный мир, поддерживают в нас иллюзию близости и доступности этого мира. А ведь поэзия — философия сердца, как однажды метко сказал Сергей Орлов и добавил, что поэзия — редкость, что она немислима без всеобъемлющих категорий времени и пространства. Вот почему именно на этих категориях мне бы и хотелось остановиться в первую очередь; без них невозможно понять и принять поэтический мир Егора Исаева. В его поэмах «Суд памяти» и «Даль памяти» имеются сквозные метафорические системы, которые объемлют и художественную, и психологическую, и социологическую стороны нашей современности, которые являются системами именно исаевскими, присущими его яркому, по-народному красочному таланту... Центральный образ поэта — это образ земли как пашни, как страны, как планеты — в ряду других образов играет первостепенную роль. «Земля добра. И голубая Вега не может с ней сравниться, с голубой. Она собой вскормила человека и гордо расправила над собой», — так сказано в поэме «Суд памяти». Но социально-гуманистический пафос поэмы проявляется не только, предположим, в образе доброй, рассветной земли, но и в образе земли, опаленной пожарами войны. Насквозь милитаризованное сознание Германа Хорста — одного из героев этой поэмы — вообще превращает землю в стрельбище-кладбище, на котором «муравьи рассыпаны, как порох» и пули прорастают, словно зерно. Этот фантастически злобещий и одновременно реалистический образ соответствует духу и сути германского милитаризма, как из-

вестно, стремившегося весь шар земной превратить в стрельбище-кладбище, расширить его «во все концы контуженной Европы». Но пули не зерна, в земле их «сок обходит, сторонятся корни», и германский милитаризм был сломен в ходе второй мировой войны, хотя война, как пуля, до сих пор «лежит в Европе, медленно ржавея».

Вот почему во второй поэме «Даль памяти» Егор Исаев показал исторические и социально-политические корни нашей великой Победы, раскрыл самое главное в нашем общественном строе: братство рабочих и крестьян, их содружество в Стране Советов, которая есть, как сказано в поэме, «соборный свод согласных языков».

Вернувшись к космологическому образу Земли-звезды, Егор Исаев разветвляет этот образ, как пошедшее в рост дерево. Он находит множество смысловых и эмоциональных оттенков, он рисует будни и праздники «земли-сторонки и земли-страны». Одним из таких праздников в предвоенные годы был сенокос — пора первых сердечных волнений, первых страданий подростка, который «на том, на переломном рубеже» встал в строй взрослых косарей. Мы еще встретимся с этим подростком — будущим «хозяином космоса» — в конце поэмы: мы вместе с ним осознали, что «владеть землей» — ведь это значит: «всей», мы содрогнемся от тишины, воцарившейся на миг, когда прозвучал сигнал тревоги, когда «ушел мужик за синий край полей... И лошади ушли, что помолоче, и трактора ушли, что поновей...»

Вообще в новой поэме Егора Исаева стало глубже, значительнее чувство историзма. Именно это чувство подсказало ему многие образы-символы вроде «кремень-слезы»,

или главной реки народной жизни — «реки труда», или мужичьего «гака», символизирующего всевозможную разболтанность, волокиту, жизнь «на авось». В спорах и разговорах, возникших среди проезжего и прохожего люда, который собрался возле невиданной прежде «кремень-слезы», проявилась характернейшая черта Исаева — его умение передать многоголосие толпы, когда, казалось бы, говорят все разом. Однако в этом слитном гуле слышны речи то старушки, поведавшей о бабьей доле в старопрежнее время, то древнего деда, вспомнившего слезу мужика-каторжанина, которая «во рту крошилась при ударе и редко чтоб катилась со щеки», то труженика ликбеза, учителя, владевшего «словом корешковым»... Короче говоря, народная история предстает в этом многоголосии и в лицах, и в сценах истинно поэтических.

Чувство историзма, присущее Егору Исаеву, безусловно, обогатило его образную палитру. Это чувство зародилось в нем еще тогда, когда он в солдатском строю, в атакующих ротах, как говорится, творил историю собственными руками, когда он прошел земные дали и посмотрел глаза в глаза таким воякам, как Герман Хорст. Да, это был «тяжкий дар познания», но и бесценный дар, свойственный нескольким поколениям советских людей. Ибо этот дар позволил поэту обрести нравственные и духовные силы для многолетних трудов над своими поэмами, которые создавал по слову, по строчке, по главе, но которые читаются на одном дыхании. Наконец, этот дар вселил в него твердую уверенность, что народ, живущий «по совести, по корню, по главному закону Октября», непобедим.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ.